

к нему в Печерском монастыре, постепенно становится тем, что мы привыкли называть летописью¹. Характеризуя этот начальный период русского летописания, связанный с Киево-Печерским монастырем, Д. С. Лихачев справедливо утверждал, что не только идейные черты древнейшего русского летописания — его публицистические тенденции, учительный по отношению к князьям характер, рассудительность и принципиальность, — но и по существу все внешние особенности русского летописания — его связь с фольклором, с деловой речью, хронологический принцип изложения и т. д. — все это определилось уже здесь, в Киево-Печерском монастыре.²

Трудами А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова было неоспоримо установлено участие в печерском летописании сподвижника Антония и Феодосия Печерских — Никона, которого Нестор в житии Феодосия называет „великим“, изображая за неустанной работой, „сидящу и страшу книги“. М. Д. Приселков выдвигал остроумную гипотезу о том, что под монашеским именем Никона в Печерском монастыре продолжал свою глубоко патриотическую деятельность смещенный с митрополичьей кафедры Иларион.³ А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым было доказано, что яркая биография Никона позволяет раскрыть и объяснить многие черты киевского летописания той поры, когда оно было сосредоточено в Печерском монастыре.

Взяв за основу „Сказание о распространении христианства на Руси“, Никон Печерский ввел в него устные предания киевского, новгородского, тмутораканского и северночерноморского происхождения; тем самым он создал, по словам Д. С. Лихачева, „первую систематическую историю русского народа“.⁴ Именно Никон придал своему произведению ту форму летописи, которая легла в основу последующего развития древнерусского летописания. К характеристике некоторых приемов летописной работы Никона Печерского нам придется еще обратиться несколько позже.

К первоначальным годам княжения Святополка, отмеченным резкими конфликтами с ним Печерского монастыря, относится составление нового печерского летописного свода, названного А. А. Шахматовым „Начальным сводом“,⁵ а М. Д. Приселковым — „Сводом Ивана 1093 года“.⁶ Составитель свода 1093 года ставил себе публицистические задачи: на примерах древних русских князей он стремился исправить новых. Русская история рассматривалась теперь как назидательное прежде всего и воспитывающее патриотизм чтение.⁷

Наконец, около 1113 года в Печерском же монастыре был создан новый памятник русского летописания — собственно „Повесть временных лет“, написанная печерским монахом Нестором, дошедшая до нас в переработках двух последующих редакторов, работавших в 1116 и 1118 годах.⁸ Несмотря на некоторые изменения, внесенные этими редакторами, „Повесть временных лет“, как это прочно установлено исследователями древнерусского летописания, может считаться созда-

¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи . . . , стр. 77.

² Там же, стр. 82.

³ М. Д. Приселков: 1) Очерки . . . , стр. 181—184; 2) Нестор-летописец. Пгр., 1923, стр. 22.

⁴ Д. С. Лихачев. Русские летописи . . . , стр. 90.

⁵ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 12 и сл.

⁶ М. Д. Приселков. История . . . , стр. 34—36.

⁷ Д. С. Лихачев. Русские летописи . . . , стр. 97.

⁸ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пгр., 1916, стр. I—XI.